

ВETERАНЫ БАХТЫ

Очерк-интервью для газеты «Маяк Севера»

В нашем селе праздник Победы празднуют так: к 12 часам деревня собирается на угоре по-над Енисеем возле памятника павшим за Родину. Народ принаряжен, мужики с оружием. Здравуются за руку. Енисей в это время ещё стоит, в тайге полно снега, но сам угор уже вытаявший, с жухлой травкой. Дети, за несколько дней до праздника красившие ограду свежей голубой краской, идут колонной с барабанщиком во главе. В ограде вокруг крашеной серебрянкой стелки со звёздочкой темнеют пихты. Открывается калитка ограды и около памятника выстраиваются: глава деревенской администрации, дети с учительницей литературы Еленой Ивановной и двое наших ветеранов. Остальные стоят рядом на угоре. Мужики с ружьями и карабинами наготове ждут в шеренге на самом краю угора. Когда отзвучало поздравление, они вскидывают стволы и дают залп – вверх и вдаль. Летит дым, пыжи, пахнет порохом. Енисей белеет в оттаявших каменистых берегах бескрайним полотном.

Всего двое ветеранов осталось в Бахте: Илья Афанасьевич Плотников и Анатолий Семёнович Хохлов. В школьном альбоме, посвящённом войне, о них написано: «Плотников Илья Афанасьевич. 1924 года рождения. В ряды Советской Армии призван в июне 1943 года. Был тяжело ранен и после излечения возвращён в строй. Имеет правительственные награды: орден Красной Звезды, 2 медали "За отвагу", медаль "За победу над Германией", медаль "XX лет победы над фашизмом" и орден Отечественной войны 1 степени»;

«Хохлов Анатолий Семёнович. 1925 года рождения. Закончил 3 класса. В ряды Красной Армии был призван в июне 1943 года. В феврале 1944 года получил

тяжёлое ранение и был на излечении. 3 августа демобилизован. Награждён медалями "За победу над Германией" и "XX лет победы над фашизмом", орденом Отечественной войны 1 степени».

Иду к дяде Илье. Дядя Илья открывает – залатанные брюки в полосочку, красная в клетку байковая рубашка, застёгнутая на все пуговицы.

– Дядя Илья, мне тут сказали заметку написать. В общем, мне надо тебя о войне расспросить.

– Ничего я не буду рассказывать. Тем более о себе. Раз один корреспондент тоже расспрашивал, а потом такого написал...

– Я «такого» не напишу, а что напишу, покажу.

– Ладно. В общем, родился я в 24 году 31 июля. Осталось нас трое с отцом. Как мать от нас ушла, не помню. Отец на неводе работал, возьмёт меня на невод, в лодку утащит, в нос положит. В школе мы учились – из школы прямо на рыбалку. В школе три года отучился. Пришли, уговорили на рыбалку. Тугуна тогда чистили на сдачу, до 15 августа, правда, а после нечищенного принимали. А потом в армию – в 43 году, 22 июня. Никто меня не провожал. 6 рублей было у меня в кармане. Привезли в Красноярск. Сказали: «У кого есть какие вещи, можете продать или в фонд обороны сдать». Я, что было, продал – на 700 рублей.

– Это на наши как?

– Булка хлеба 70 рублей стоила. Богатые деньги были. стакан орехов кедровых 30 рублей стоил, 25 – стакан семечек. Мы на распреде были – Дом колхозника, возле Качи. На заводе работали, погружали консервы, муку. Мы сами не таскали, мужики наши таскали, а мы им готовили. Нам дали бочку квадратную здоровенную сгущёного молока и крупу любую, какую хотите – варите. Они работали, а мы кашу варили – своим ребятам, которые работали. Потом начали понтонный мост строить. Ниже железнодорожного моста.

– Дядя Илья, ты когда последний раз в Красноярске был?

– В 45 году. По понтонному мосту только машины ходили, и разводили его, когда судно идёт. Потом на Абакан нас переключили. Там тоже переправу строили, но только не понтоны, а козлы – потом настил на них. Козлы, ну как дрова пилишь. Потом повезли опять на поезде – в телячьем вагоне, в пульмане. Кто-то кричит «Нас обратно везут!» Так и есть, в Красноярск везли. В сентябре в Омск привезли. Казармы там – склады для картошки, землянки, но чисто, выбелено. Тут и обмундирование дали.

– И что делали в Омске?

– В Омске? В колхозе хлеб убирали. С фронта комбайнёра привезли. Тогда не самоходный комбайн был, а он на месте стоял, а к нему подвозили. День и ночь работали. Пшеница, просо. Хлеб-то надо было убирать – в деревнях не было никого. Кормили хорошо. Потом в свою часть вернулись, прослышали, что на фронт отправляют, и попросились. Командир говорит: «Сынок, ты куда торопишься? На пушечное мясо?»

– Обучали перед отправкой?

– Обучали. Матчасть. Устройство снайперской винтовки. Оптический прицел... Обмундирование дали: шинель, котелок – всё новое. И на фронт. Кормили дорогой, честно сказать, ни на фиг не годится.

Ехали на поезде, тоже телячьи вагоны. Привезли под Вязьму. В октябре. Оттуда повезли в Великие Луки. От Великих Лук пешком к передовой. Шли, кто как, растянулись по дороге. Дней 5 или 6 шли – по одному, по две. Провожатый-то скрылся где-то. Я один остался, голодный. Иду – никого нет. Кормились как? Бураки, ну... свёкла такая, внутри красная, белая, слоями. У костра её пожаришь и ешь. Иду – устал, света не вижу, машина идёт. Проехали, остановились, назад сдали – офицеры какие-то: «Солдат, куда идёшь? Влезай!» Залез я... Кусок сала, хлеб...

Голос дяди Ильи дрогнул, лицо вдруг съёжилось, он отвернулся и махнул рукой.

Сидим молчим с дядей Ильёй. Он продолжает:

– Догнал ребят. Железница станция называлась. Стоят понемногу ребята, собираются, по 5-6 человек. Один позже меня пришёл, Скворцов. Ему офицер: «Ты дезертир. Стрелять тебя будем». Скворцов белый стоит. А там один мужик был, видно, что бывалый, «Слушай, – офицеру этому говорит, – если ты нам к вечеру не привезёшь продуктов, то мы тебя самого зажарим и съедим». К вечеру и жратва была, и всё, и хлеб, и концентраты... И Скворцов живой.

– Как первый бой?

Дядя Илья замешкался, будто я спросил глупость, потом помолчал, подбирая слова, а потом как резанул:

– Первый бой был такой – все бегут, и я бегу. Потом залегли. У них пули разрывные были, и кажется – и впереди стреляют и взади стреляют.

– Ну немцев-то видите?

– Как не видим? Видим. Вот они, который близко, который далеко. То, глядишь, каска мелькнёт.

– А вообще, какая... задача-то у вас была?

Дядя Илья посмотрел на меня, как на дурака:

– Вперёд. В 43-м одна задача была – вперёд. Потом в оборону нас поставили: Большая Пуща, Малая Пуща. Мы там ещё простояли.

– А медаль? За что наградили?

Дядя Илья снова стесняется:

– Не знаю, за что наградили. За храбрость, вроде. Короче, вот дорога, вот куветы. (Дорогу изображала ложка, «куветы» – две чашки.) Мины вот здесь легли, и вот здесь (показывает на чашки). Я услышал, когда начали стрелять, ну и сюда летит, по шипу знаю, что где-то здесь лягут. Лёг посередке – деваться некуда, и вот одна с этой стороны дороги легла, другая с той. Дорога-то выше, ну и осколки – в бугор. Выходит, берёт Бог меня.

Ещё психическая атака у немцев была. Все пьяные, рука к руке идут (дядя Илья показал, как касаются немцы друг друга поднятыми локтями), стреляют.

– Сколько до них?

– 150 метров. Мы стрелять начнём – лягут, потом снова идут.

– Ты попадал в немца-то?

– Да ну! Всё врут! Попал – не попал, ты откуда знаешь, кто куда попал? Снайпер – дело другое.

– А ты вроде на снайпера учился.

– Не стал снайпером. Обучаться надо было 6 месяцев, а я месяц проучился.

– А у тебя что за оружие было?

– Карабин кавалерийский... Как в атаку? Один встаёт: «За мной!», ну и поднимаются, по два, по три, потом все. В фильмах всё неправильно показывают: шквал огня – и все в атаку. При таком огне ты и встать-то не сможешь, не то что в штыковую.

– А потом что было?

– А что потом? Ранило. Наградили и обратно в часть. Два раза ранен был. А воевали: Белоруссия, Литва, Латвия. Была там такая Курляндская группировка. Ранило? Шрапнель – сначала сюда, потом сюда (дядя Илья показывает на ногу, на руку), если б ударила в голову, у меня бы две дырки бы получились.

Ещё спрашиваю про награды.

– Какие награды? Медали «За Отвагу». Две было. Одну потерял. Вторую как получил? Тоже так, – дядя Илья отмахивается, – там никто толком не знает, не моё это – начальства дело. Я же не за награду воюю, правильно?

Короче идём с передовой, у меня провода моток на спине. И слышу: командир зовёт. Я иду, не откликаюсь. Докричался. Обрато на передовую посылает: доложить там что-то. А я только что оттуда, да ещё провод этот. Он подзывает солдата: «Возьми провод у него». Отдал провод и назад, на передовую, а неохота – страшное дело! Так не хотел идти. Сходил, доложил, что нужно. Возвращаюсь, уже чуть не наутро. Вижу – что-то копают тут... В общем, все, кто тогда шли со мной, и начальство, и солдаты – все полегли, 32 раненых и 11 убито. Снаряд. Опять Господь уберёт.

– А ещё что было?

– Зубами порванный провод соединил, а потом огонь корректировал... – Дядя Илья помолчал, сказал:

– В Белоруссии ни одного дома не было целого, трубы где торчат только. Шли по лесу колонной, вдруг остановка. Я шустрый был, вперёд пробрался, что такое? На сосне висит женщина молодая, в чём мать родила. Косы... до сих пор перед глазами стоят... льняные. А под ней банки от консервов – жрали... Пожрали и уехали: моторизированные, б...!

Помолчали.

– А медаль как потерял?

– Она у меня в кармане лежала, командир говорит: «Почему не носишь?» Я надел, носом-то рыл когда землю, и потерял.

– И сколько времени тебя дома не было?

– 2 года и 6 месяцев, – посчитал дядя Илья.

– А победу где встретил?

– В госпитале в Ленинграде. Помню, баба идёт, толстенная, в дверь только боком проходит. Под кублуками паркет прогибается. А она пробовала еду нашу, годится или нет. Наши ржут: «Опробывалась!» Это к слову... А победу – в госпитале. А вообще, земля слухом пользуется, ещё победы нет, а слух уже был, что с Америкой вражда идёт. А с победой так было: ночью проснулся – гул идёт. «Что такое?», – спрашиваю спросонья. А мне: «Кричи ура – победа!» А назавтра Сталин говорил. Немного сказал, поздравил всех. И всем выдали по чекушке вина, бутылку минеральной воды, бутылку пива. Я пива отпил. А больше не хотел почему-то. А днём народ пошёл к больнице, а там загородка – как пики. И вдоль загородки побежали все... К нам... Поздравляют... Что было! – Пла... плачут все... – говорит дядя Илья срывающимся голосом, вскакивает, уходит, гремит умывальником, вытирает лицо. Возвращается. Отрывисто бросает: – Извини.

Молчим.

– А что потом? Потом домой. Посчитали, комиссовали, выдали деньги, посадили опять в телячий вагон, и поехали, только не через Москву, а северной дорогой, через Пермь мы выехали. Приехали в ноябре, 28 числа домой попал. На самолёте. Не ждали особо – телеграммы не давал. Что жив, знали. Писал. До Сумарокова на самолёте долетели, до Мирного на конях. А от Мирного пешком. Все кони в Арвамке, даже водовозные, сено возят. Пешком пошли. И только я в избу зашёл. Мне фуфайку не дали снять – все бегут, все целуются. Я утром поднялся, веришь – нет: весь в пузырях!

Прощаюсь с дядей Ильёй, иду к дяде Толе. Сияет солнце, снег как железный. Дядя Толя в сараюшке, там рассада, и он ставит электрообогреватель, потому что на улице снова мороз.

– Дядя Толя, расскажите, как воевали.

– Да я мало и был-то совсем... Да и, вообще, рассказывать не любитель.

– Да уж сколько был. О себе расскажите.

– Родился я здесь, в Бахте, 25 апреля 1925 года. 3 класса закончил с горем пополам и то убежал. В Мирном мы учились тогда... А в 40-м году на охоту пошёл. Работал сразу в колхозе. В 43-м году призван в армию, в июне- месяце, не помню точно, в двадцатых числах. Сначала – в Красноярск, потом на пересыльный пункт в Канск. В Канске в бане помыли. Мы там как на карантине были – до ноября. Сено косили, бондарили, бочки ремонтировали. На рыбалку меня посылали дней на 15-20. Бреднем рыбачили на Кане. На охоту ходил за косачами для воинской части.

– Так не для колхоза работали?

– Покос и для части, и для колхоза, а остальное – бочки, и рыбалка, и охота – всё для части. В общем, на охоте я пробыл до 22 ноября.

– А потом?

– Потом сразу в маршевую роту на передовую.

– А ехали – в телячьем вагоне? – уже со знанием дела спросил я.

– В нём и ехали. Двойные нары. Буржуйка на вагон. Сухой паёк. Кипяток на остановках. Дрова там же. И на 1-й Белорусский фронт.

Дядя Толя на редкость немногословен, каждое слово приходится вытягивать.

– И сколько времени ехали всего?

– Да недели две ехали. А до передовой на своих ногах трое суток. По шоссе-ной дороге. Строем. Разбитая деревушка – дошли до неё. Сутки пробыли, а потом уже на самую передовую.

– А ранило как?

– В атаки мелкие ночные ходили. И ранило в руку. Под Витебском наступление было. Артподготовка сначала, а потом пошли – и ранило. Весь полк разбило, 15 человек осталось.

– А как назывались-то вы?

– 274-я стрелковая дивизия.

– Дядя Толь, ну а передовая-то что из себя представляла?

– Что представляла... Траншеи нарыты, и в них люди сидят.

– Самим приходилось копать?

– Да нет, там война-то уж прошла. Всё накопано, так только, для себя чего подправишь.

Дядя Толя снова возвращается к наступлению под Витебском, где его ранило:

– В общем, артподготовка часа два шла. Наши начали, немцы тоже стреляют, тоже артподготовка. Потом в наступление, сначала солдаты, потом техника.

– А до немцев сколько?

– Метров 300, а то и меньше. Видишь их хорошо. В общем, с восьми утра начали, а закончили бой в темноте только.

– А какое оружие было?

– У меня? Винтовка мосинская. Немцы отступают, за ними идёшь, где-то ляжешь, ждёшь, лупят из всего. Авиация задействована. А ранило в темноте уже. В руку осколком. Снаряд взорвался, – дядя Толя закругляет разговор, – короче, где должны были выбить, там выбили, а до Витебска тогда не дошли.

А ранило в правую руку, в предплечье. Что почувствовал? Как стукнуло, боль уже потом была. Рука болтается. Сначала подумал – оторвало. Взял вот так руку (дядя Толя показал: взял предплечье левой рукой) и пошёл. Так и шёл, как оступишься – сам понимаешь.

– А куда шёл-то?

– Назад, к своим.

– В землянку?

– В землянку. Там собрали сколько раненых, в повозку и в полевой госпиталь. Палатка такая большая. Там дня 2-3. Потом в Смоленск в госпиталь. Там операция и гипс. В Смоленске неделю пробыл, потом в Калугу перевели. Оттуда в Иркутск – в оздоровительный госпиталь. Из Иркутска сюда. Пароходы-то ходили.

Попрощался с дядей Толей, который сказал напоследок: «Забылось многое, если б сразу, может, и больше рассказал» ...Пришёл домой. Задумался. Два рассказчика: один эмоциональный, живой, другой сдержанный, строгий. Но что-то общее было в обоих – то, что оба из скромности стремились свести свой вклад до минимума, до роли песчинок, которых то бросало на врага могучей волной, то откатывало назад, но без которых не было бы победы.

Бахтинцы, погибшие в Великой Отечественной войне:

Хохлов Иван Павлович

Хохлов Иван Игнатьевич

Хохлов Павел Игнатъевич

Синяев Иван Никифорович

Попов Пётр Фёдорович

Плотников Матвей Васильевич

Хохлов Марк Павлович

Лямич Тимофей Яковлевич

Эмидак Андрей Никифорович

Эмидак Михаил Альбудьевич

Эмидак Данил Альбудьевич

Хохлов Павел Елизарович

Хохлов Михаил Павлович

Степанов Михаил Максимович

Хохлов Степан Макарович

Вернувшиеся с войны бахтинцы-ветераны, которых уже нет в живых:

Хохлов Георгий Гаврилович

Хохлов Фёдор Павлович

Хохлов Евдоким Дмитриевич

Хохлов Андрей Павлович

Степанов Павел Васильевич

Попов Леонид Андреевич

Ярков Иван Андреевич

Лямич Пётр Алексеевич

Мальцев Михаил Григорьевич

Хочется обязательно сказать об одном человеке, который в боевых действиях не принимал участия, хоть и был призван в армию в 1944 году. Он никогда и не причислял себя к ветеранам, но видно был таким человеком, что

люди причисляли его к ним невольно – за его мужество, за трудолюбие, готовность прийти на помощь. Этот человек Адам Валерьянович Шейнов.

С праздником вас, дорогие ветераны! Вечная вам память, герои!